

AN 20 1914

Russian Dept.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Огдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 1 Vol. XVIII. NEW YORK, January, 14 1914, 1 Января 1914 г. No. 1.

For English Text see page 2

ВЫСОЧАЙШЕЕ ВНИМАНИЕ.

АРХІЕПИСКОПУ ПЛАТОНУ. Бруклинъ, Нью-Йоркъ.

Душевно радуюсь освященію Пріюта. Благодарю Васъ, Владыко, и присутствовавшихъ за молитвы. Да будетъ благословеніе Божіе на добромъ начинаніи. АЛЕКСАНДРА.

Приведенная Высочайшая телеграмма была прислана Ея Императорскимъ Величествомъ, Государыней Императрицей АЛЕКСАНДРОЙ ѲЕОДОРОВНОЙ, въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Платона, посланную изъ Бруклина немедленно послѣ освященія Сиротскаго Пріюта С.-Американской Миссіи въ Бронзвиллѣ:

ИМПЕРАТРИЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ. Ливадія.

Сегодня въ Нью-Йоркъ освященъ первый и единственный въ Америкѣ Русскій Сиротскій Пріютъ имени Царицы Небесной. Счастливъ доложить о семъ ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и отъ лица множества русскихъ людей, присутствующихъ здѣсь, молитвенно пожелать здоровья ВАМЪ и всему АВГУСТЪЙШЕМУ СЕМЕЙСТВУ. Архіепископъ Платонъ.

С Л О В О

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЪЙШАГО ПЛАТОНА, АРХІЕПИСКОПА АЛЕУТСКАГО И СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ВЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ НЬЮ-ІОРКСКОМЪ СОБОРѢ (25 ДЕК. 1913 Г.).

A SERMON,

SPOKEN BY HIS GRACE THE MOST REVEREND PLATON, ARCHBISHOP OF THE ALEUTIAN ISLANDS AND NORTH AMERICA, ON CHRISTMAS DAY IN THE CATHEDRAL CHURCH OF NEW YORK, DEC. 25, 1913.

«Благовѣствую вамъ радость
велію, яже будетъ всѣмъ людемъ:
яко родися вамъ днесъ Спасъ,
иже есть Христосъ Господь»
(Лк. 2, 10—11).

“I bring you good tidings of great
joy, which shall be to all people, for
unto you is born this day a Saviour,
which is Christ the Lord”
(Luke, 2, 10—11).

Господь воплотился,—Слово, соприносущное Богу Отцу, стало плотію и явилось въ міръ, тотъ міръ, который былъ сотворенъ Его всемогущею волею, но міръ Его не призналъ. «Въ міръ бѣ и міръ тѣмъ бысть, и міръ Его не позна: во своя прииде и свои Его не пріяша» (Іоан. 1, 10—11). Онъ—предвѣчный Богъ, младенствующій плотію, полагается въ ясляхъ, потому что земные родители Его, хотя происходятъ и отъ царскаго рода, но такъ бѣдны, что не могутъ найти для себя помѣщенія въ домъ и должны были занять пещеру, въ которую обыкновенно загонялись стада. Онъ рождается въ отечественномъ городѣ Давида, отца своего, въ Виолеемъ,—такъ было предсказано,—но рождается тамъ потому, что родители Его должны были, по указу императора Августа, записать себя въ Виолеемъ въ число людей, обложенныхъ податію. Первосвященники и книжники, зная, что Онъ рождается въ Виолеемъ, не спѣшатъ привѣтствовать Его рожденіе, — вѣчный Господь является какъ бы смертнымъ человѣкомъ и уничижаетъ Себя до того, что родители Его бѣгствомъ въ Египетъ спасаютъ Ему жизнь: царь Иродъ приказалъ убить всѣхъ младенцевъ въ Виолеемъ и всѣхъ предѣлахъ Его отъ двухъ

The Lord incarnated; the Word, co-existent with God the Father, became flesh and appeared in the world, that world, which was created by His omnipotent power, but the world did not recognize Him. “He was in the world, and the world was made by him, and the world knew him not; he came unto his own, and his own received him not” (John 1, 10—11). He, the God who was before the ages, a babe in the body, is put in the manger, because His parents, though descending from kings, were so poor, that they could find no lodgings in a house and had to occupy a cave, to which herds of cattle were usually driven. He was born in the city of David, His father, in Bethlehem as it was foretold, but He was born there because by order of Emperor Augustus His parents were to be recorded in Bethlehem among the tax payers. The high priests and the learned people, though knowing that He was born in Bethlehem, did not hasten to greet His birth. The Eternal Lord came as a humble man, humbling Himself to such an extent that His parents had to save His life by fleeing to Egypt. King Herod ordered that every infant under two should be killed in Bethlehem and all its suburbs. So

Рождество Христово.

лѣтъ и ниже. И вотъ сбылось реченное чрезъ пророка Іеремію: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть» (Мѡ. 2, 17—18). Такъ встрѣтилъ міръ своего Спасителя, такъ онъ далъ отвѣтъ Ангелу на его приглашеніе радоваться велиею радостью.

Раздавшееся въ міръ ангельское приглашеніе къ радости потонуло въ гласъ человѣческаго рыданія надъ трупами. Зло и тутъ торжествуетъ надъ добромъ, мракъ и тутъ покрываетъ собою свѣтъ. Смерть — слѣдствіе злобы—не потеряла своего господства даже и теперь, когда возсіяла новая жизнь, когда явилась въ міръ сама Жизнь. Рожденіе Христа, поселившее въ человѣческомъ сердцѣ радостную надежду на спасеніе, сопровождалось слезами и воплями надъ трупами невинныхъ младенцевъ, послужившихъ искупительной жертвой злу и неправдѣ за родившееся добро. Неправда жизни, предчувствуя смутно въ новомъ явленіи грядущее господство въ ней, хотѣла задержать наступленіе царства Божія, поразивши человѣчество ужаснѣйшимъ насиліемъ надъ невинными. Это было ослѣпленное безуміе состарившейся въ беззаконіяхъ неправды, которая не могла понять того, что въ рожденіи Христа лежитъ залогъ мирной, радостной, доброй, счастливой жизни для всѣхъ людей, для всего человѣчества. И въ то время, какъ одни радовались, привѣтствовали пришедшую въ міръ радость, явившееся спасеніе,—хотя ихъ такъ мало было,—въ то время другіе съ Иродомъ злобствовали и неистовствовали, а третьи въ тоже самое время горько и безутѣшно рыдали. Небо и земля ликовали, а люди оказались разномыслящими и разночувствующими до того, что тогда же происходило избіеніе невинныхъ сверстниковъ Богомладенца и окрестности Виолеема, оглашенная ангельскимъ пѣніемъ — «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣ-

was fulfilled the prophesy spoken through Jeremiah: "In Rome was there a voice heard, lamentation, and weeping, and great mourning, Rachel weeping for her children and would not be comforted, because they are not" (Matthew 2, 17—18). This was how the world met its Saviour, this was how it responded the Angel's invitation to rejoice with a great joy.

The Angel's invitation to joy sounded in the world and was drowned in the clamour of human lamentations over dead bodies. On this occasion also wickedness triumphed over the single ray of good and obscured the light. Death, the result of wickedness, retained its rule even though the new life was shining, even though life itself came into the world. The birth of Christ, imparting to the hearts of men a new hope of salvation, was accompanied by tears and lamentations over the dead bodies of innocent babes, who fell as a sacrifice to evil for the newborn good. All that was wrong in life, vaguely sensing in the new manifestation the future rule of all that was good, attempted to delay the coming of the kingdom of God, striking humanity with a most horrible deed of violence over the innocents. This was an act of blind insanity on the part of wickedness, grown senile in lawlessness and unable to understand that the birth of Christ was the pledge of a peaceful, joyfull, kindly and happy life for all men, for all humanity. And whilst some rejoiced greeting the joy that came into the world — though they were so very few, — others raged with Herod in his fury, and still others grieved bitterly and disconsolately. Heaven and earth rejoiced, but men showed themselves to be disagreeing in thought and feeling to such an extent that innocent infant contemporaries of the Divine Babe were massacred, and the surroundings of Bethlehem, vibrating with the angels' singing: "Glory to God

цѣхъ благоволеніе», оглашались воплями и рыданіемъ. Христіанство явилось въ мірѣ подь звуки скорби пораженнаго невыразимымъ горемъ челоѣческаго сердца.

Невольно вспоминаются сейчасъ слова Виновника этого чудовищнаго событія: «въ мірѣ скорбни будете» (Іоан. 16, 33). И это ненужное, это насильственное событіе, омрачившее собою зарю христіанской жизни, не было послѣднимъ въ безконечной цѣпи подобныхъ ему, не было заключительнымъ. Рахиль и потомъ проливала и проливаетъ слезы надъ тяжкою участью своихъ дѣтей. И этой Рахилью является даже сама Церковь Христова, у которой жизненное зло похищаетъ дѣтей, развращаетъ ихъ и безжалостно губить, истребляетъ.

Но о какой же послѣ этого радости благовѣствоваль ангель пастырямъ? О какомъ мірѣ пѣлъ небесный ликъ ангеловъ въ ту святую ночь? Не та ли эта радость, не тотъ ли это міръ, о которыхъ говорилъ Спаситель міра Своимъ ученикамъ предъ концомъ Своей земной жизни. Да это и есть та радость, это и есть тотъ миръ. Это есть та радость, которую и мы христіане нынѣ переживаемъ, которая наполняетъ нашу душу, преисполняетъ наше сердце добрыми, высокими, самыми лучшими святыми чувствами. Это есть та радость, о которой говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ, прощаясь съ ними и указывая имъ вмѣстѣ и на ненависть къ Нему Его злыхъ враговъ, которые «возненавидѣли Его и Отца Его... возненавидѣли туне» (Іоан. 15, 25). Это есть та радость, которую желалъ видѣть Спаситель въ Своихъ ученикахъ исполненною (Іоан. 15, 11-14). Это тотъ миръ, о которомъ Спаситель говорилъ Своимъ ученикамъ: «миръ оставляю Вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азь даю вамъ... да во Мнѣ миръ имате: въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азь побѣдихъ міръ» (Іоан. 14, 27, 16, 33).

Пришелъ Онъ въ міръ въ неизвѣстности,

in the highest, and on earth peace, good will toward men," were filled at the same time with moans and lamentations. Christianity came into the world to the sounds of great grieving of human hearts stricken with untold sorrow.

Here we are bound to recall the words of the innocent cause of this monstrous deed: "in the world ye shall have tribulation" (John 16, 33). And yet, the unnecessary deed of violence, which darkened the dawn of the Christian life, was not the last in the endless chain of similar events, it was not final. Later, Rachel shed tears again, and she is still shedding them over the bitter fate of her children. Even the Church of Christ is like another Rachel, whose children the evil of life steals from her, depraving them and ruthlessly leading them into perdition and destroying them.

But what was, then, the joy the angel announced to the shepherds? What peace was sung by the angelic host, on that holy night? Are not they the joy and the peace of which the Saviour of the world spoke to his disciples towards the end of His earthly life. Yes, this is the joy, this is the peace. It is the joy, which we, Christians, also experience, which fills our souls and permeates our hearts with the kindest, the loftiest, the best and the holiest feelings. It is the joy of which the Saviour told to his disciples, taking leave of them and at the same time pointing out to them the hatred His bitter enemies felt for Him, who "hated Him and His Father without a cause" (John 15, 25). It is the joy that the Saviour wished to see fulfilled in His disciples (John 15, 11-14). It is the peace of which the Saviour said to His disciples: "Peace I leave with you, my peace I give unto you..., these things I have spoken unto you, that in me ye might have peace; in the

родился въ уничтоженіи, жилъ въ бѣдности, но дѣйствовалъ и говорилъ такъ, что каждое слово Его, какъ раскаленное желѣзо, жгло сердца людей и каждое дѣйствіе Его поражало ихъ, удивляло и вызывало въ нихъ либо ужасъ, либо благоговѣніе, либо ненависть къ Нему, либо восторгъ, самыя лучшія чувства къ Нему, самую горячую любовь. «Многое множество людей» собралось около Него и пошло за Нимъ, и не для того, чтобы только безучастно смотрѣть на Него и отъ нечего дѣлать слушать Его,—хотя, впрочемъ, были и такіе, которымъ, по словамъ Спасителя, только хотѣлось видѣть чудо, — но большинство этихъ людей волновалось и трепетало, переживая необычное настроеніе. И въ то время, когда въ этомъ множествѣ идущихъ къ Нему и за Нимъ людей были многіе ненавидящіе Его за то, что Онъ такой, что Онъ учить не такъ, какъ они хотѣли бы и не тому чего они хотѣли бы, — для другихъ, Онъ, «имѣющій глаголы живота вѣчнаго», сталъ дорожке жизни, сталъ тѣмъ, ради чего они были готовы на все—крестъ, мученіе, смерть, сталъ тѣмъ, ради чего они измѣнились, сбросили съ себя все свое прежнее и облеклись въ новое, стали иными, новыми людьми. Онъ подѣлилъ людей, по ихъ влеченію къ Нему, и изъ тѣхъ, которые полюбили его, привязались къ Нему всѣмъ сердцемъ своимъ, сдѣлалъ незамѣтно для нихъ новаго человѣка, который въ мірѣ занялъ внѣмірное положеніе, который возвысился надъ міромъ, надъ условіями здѣшней жизни. И вотъ, взирая на нихъ, на Своихъ людей, Онъ могъ воскликнуть: «Я побѣдилъ міръ». Побѣда безкровная, но самая великая изъ всѣхъ какія когда либо зналъ міръ. Въ этой побѣдѣ человѣкъ былъ не убитъ, а пересозданъ, сдѣланъ новой тварью. Міръ, такимъ образомъ, въ лицѣ человѣка палъ ницъ предъ Христомъ, а между тѣмъ онъ возсталъ на Христа съ перваго дня рожденія Его, онъ не далъ Ему даже угла, гдѣ бы Спаситель могъ приклонить голову

world ye shall have tribulation; but be of good cheer: I have overcome the world” (John 14, 27; 16, 33).

He came into the world unknown, He was born in humbliness, He lived in poverty, but He acted and spoke in such a way that His every word burned the hearts of men like red hot iron and that His every act struck them, astonishing them, inspiring them with awe, with the hatred of Him or with veneration, extasy, with the best feelings and the warmest love for Him. A “great multitude of people” collected around Him and followed Him, not merely to stare at Him with indifference and listen to Him for lack of occupation; though there were some, who in the words of the Saviour merely wanted to see a sign, a miracle, but most of the people were agitated and shaken, living through most extraordinary inner experiences. Though there were many in the great multitude of people following Him who hated Him for being what He was, for His not teaching what and as they wanted Him to, for others He, Who had the words eternal, grew more precious, than their very life, becoming something for the sake of which they were ready to go to the cross, ready for torture and death; something which changed them completely, making them throw off all that was in the past and clothe themselves in new things, growing into new and different people. He divided people, according to His attraction for them; and of those who loved Him, attaching themselves to Him with their whole hearts, He imperceptibly made new men, who came to occupy in the world a place outside the world, who rose above the world and the conditions of this life. And so, looking at these people, who were His people, He was able to exclaim. “I have overcome the world.” A bloodless victory, but the greatest of all the world has ever known. In this victory man was not destroy-

Свою отъ преслѣдовавшихъ Его, омрачая Ему каждый часъ Его жизни, отягчая Ему каждый шагъ Его. Чудо, великое чудо совершилось: не богатство, не внѣшняя матеріальная сила пошла въ міръ съ проповѣдью Христа, а бѣдность и неизвѣстность: простые, самые настоящіе рыбаки раскинули сѣти міру и уложили въ нихъ міръ, сказавъ ему ту радость, которую благовѣствовалъ въ святую ночь Ангель Господень пастырямъ, — возвѣстивъ ему тотъ міръ, о которомъ въ ту ночь пѣли ангели въ окрестностяхъ Виллема.

Темна была та ночь, — и темна была не только тамъ, гдѣ родился Христосъ. Тьма неправды, насилія, злобы людской, тьма зла густымъ покровомъ облежала весь тогдашній міръ. Но вотъ раздается голосъ небожителя къ людямъ: «благовѣствую вамъ радость велию». Люди вмѣстѣ слышать и сладкое тихое ангельское пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ». Христосъ родился, Господь сошелъ на землю.

Не въ громѣ и молніи, не въ томъ шумѣ и блескѣ, съ которыми къ людямъ являются «славные земли», а въ ясляхъ рождается и въ неизвѣстности сходитъ на землю Царь неба. Не могъ ли Тотъ, Который сказалъ Своему ученику: «или мнится ти, яко не могу нынѣ умолить Отца Моего, и представитъ Ми вящше неже двадесять легіона ангель» (Мѡ. 26, 53), явиться на землю въ той славѣ, предъ которой померкло бы все. Не могъ ли Онъ явиться въ міръ и въ это Свое пришествіе такъ, какъ Онъ явится, по Его словамъ, во второй разъ, чтобъ судить міръ. Конечно, могъ,—но Онъ не явился такъ и не явился ради насъ и ради нашего спасенія, «да радость наша исполнится».

Первому человѣку Онъ являлся какъ Богъ Вседержитель и бесѣдовалъ съ нимъ, а чѣмъ кончилось? Представьте себѣ, что и на этотъ разъ Онъ явился бы во всей Своей славѣ, блескѣ и величіи торжественной обстановки,

ed but rebuilt into a new creature. Thus, in the person of man, the world fell down before Christ. And yet the world arose against Christ from His very birth, affording Him no place where to rest His head away from His persecutors, darkening every hour of His life, making heavier His every step.

A miracle, a great miracle came to pass. It was not the wealth, the exterior material power that went out into the world to preach the new life; to preach Christ, but poverty and obscurity: real simple fishermen threw out their nets and caught the world, telling it of the joy which the Angel announced on the Holy Night to the shepherds, telling it of the petce which the angels sang on that night in Bethlehem's vicinity.

Dark was that night; it was dark not only on the spot where Christ was born. Darkness and the wrong of the violence of human wickedness, the darkness of evil hid at that time the whole world as with a thick veil. But lo! the voice of a heavenly dweller speaks to men: "I announce to you a great joy!" At the same time men hear the sweet and gentle song of the angels: "Glory to God in the highest and on earth peace." Christ was born, the Lord descended to earth.

Without thunder or lightning, without acclamation and brilliancy, which accompany the birth of the great of this world, the King of Heavens descended on earth, but in a manger, in poverty and obscurity. Could not He who once said to His disciple: "thinkest then that I can not now pray to my Father and he shall presently give me more than twelve legions of angels" (Matthew 26, 53), appear to the earth in a glory before which all should grow dim? Could not He appear to the world in this first coming as He will appear in His second coming, when He comes to judge the world, as He told us? Of course, He could. But

— удовлетворились бы этимъ люди? Болѣе чѣмъ вопросъ. Несомнѣнно наплысь бы такіе, которые пожелали бы видѣть Его въ иномъ пришествіи и отвернулись бы отъ Него. Чѣмъ закончился торжественный входъ Христа въ Іерусалимъ, это единственно въ его жизни общенародное торжественное выступленіе? Не «вознегодовали ли», не зашипѣли ли эти гады, имѣвшіе видъ человѣка, чтобы Христосъ запретилъ дѣтямъ восклицать: осанна Сыну Давидову! «Развѣ вы никогда не читали: изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу» (Мѡ. 21, 16), сказалъ имъ Христосъ, добавивъ, что «если дѣти умолкнутъ, то камни возопіютъ». И когда приблизился къ Іерусалиму, то, смотря на него, заплакалъ о немъ и сказалъ: «о, если бы и ты хотя въ сей день узналъ, что служить къ миру твоему» (Лк. 19, 40—42). Онъ лучше людей зналъ, что надо для нихъ, и въ то время, тотъ торжественный моментъ Своей земной жизни говорить о мирѣ, томъ мирѣ, о которомъ пѣли ангелы при рожденіи Его.

Не внѣшность, такимъ образомъ, изъ которой можно дѣлать временный блескъ, шумъ, славу—главное въ жизни нашей,—не на нее должно быть обращено наше вниманіе, или на нее не должно быть обращено наше вниманіе, такъ какъ она не имѣетъ того значенія, которое ей нами придается. Богатство, удобства въ жизни, роскошь, земное величіе, слава, счастье,—все это ничто, сравнительно съ тѣмъ, что есть едино на потребу.

Но что же это? Это и есть та радость, которую возвѣстилъ нынѣ пастырямъ ангелъ Господень, это и есть то чувство, которое можетъ наполнить душу всякаго человѣка безотносительно къ его жизненному положенію, можетъ наполнять и сердце богатаго, и убогаго, это то положеніе, которое можетъ занимать всякій человѣкъ, всѣ люди безъ различія, ибо всѣ они созданы правоспособными пользоваться имъ, всѣ они призваны Бо-

He did not appear so for our sake, for the sake of our salvation, “that our joy be full.”

He appeared to the first man, as the Almighty God and spoke to him, but how did it end. Imagine, that this time again he appeared in the brilliancy and pomp of glory. Would men be satisfied? This is more than questionable. No doubt, there would be some who would wish to see Him come in different circumstances and would turn away from Him. What was the end of Christ’s solemn entrance into Jerusalem, His life’s only triumphant appearance before all the people. Were not these reptiles in the shape of men indignant, did not they hiss that Christ should forbid the children to say “Hosanna to the son of David.” “Have ye never read, Out of the mouth of babes and sucklings thou hast perfected praise” (Matthew 21, 16), said Christ to them, adding that if children are silenced, the stones shall cry out. And approaching Jerusalem He gazed at the great city and wept, saying to it: “if thou hadst known, at least in this thy day, the things which belong unto thy peace” (Luke 19, 40—42). He knew better than men what they needed, and at this solemn moment of His earthly life He spoke of peace, the peace of which angels sang at His birth.

And thus, it is not the exterior, which can produce temporary brilliancy, renown and glory, that is the most important thing in our life. It is not on it that we should fix our attention, or rather we should not fix our attention on it, for it does not possess the importance we ascribe to it. Riches, comforts of life, luxury, terrestrial grandeur, glory and happiness are as nothing in comparison to that which alone is for our good.

Then, what is it? It is the joy which the Angel of God announced to the shepherds. It is the feeling which can fill the soul of

гомъ къ вѣчности и могутъ быть небожителями. Состояніе это они могутъ переживать уже и здѣсь. Всякій, кто можетъ радоваться нынѣшней радостью, уже причащается вѣчной радости, той радости, которая свойственна природѣ человѣка. Ангель Господень является пастыремъ, ангелы поютъ для всѣхъ людей, всѣ могутъ слушать ихъ и всѣ могутъ получать впечатлѣніе отъ этого пѣнія небожителей. Они поютъ для всѣхъ, богатыхъ и убогихъ, счастливыхъ и несчастныхъ. И мы видимъ, что и къ яслямъ новорожденнаго Богомладенца идутъ и несутъ дары богатые мудрые волхвы, несущіе туда золото, смирну и ливанъ, и бѣдные пастыри, идущіе туда же въ той надеждѣ, что и они будутъ тамъ приняты, такъ какъ они несутъ туда свою душу, свое сердце преисполненное самыми лучшими, самыми радостными чувствами. Вотъ почему Ангель Господень возвѣщаетъ велию радость: чтобы спасти людей, Иисусъ Христосъ пришелъ на землю для всѣхъ людей. Велия для насъ радость, ибо родился всѣмъ намъ Спасъ, иже есть Христосъ Господь. Христосъ рождается, славите, Христосъ съ небесъ, срящите! Аминь.

«0»

ПОДРАЖАНІЕ.

(На мотивъ изъ Перси Бишь Шелли).

Я все люблю, что любишь Ты,
Учитель мой:

Простосердечія черты
И образъ вольной нишеты
И кругъ друзей простой.

Въ молитвы сонъ

Люблю и я быть погружень
И въ высяхъ голубыхъ небесъ
Источникъ ощущать чудесъ.

Полей цвѣтокъ,

Былинки нѣжной лепестокъ,
Рѣчная зыбь и тучекъ тѣнь, —
Все мнѣ познанія ступень.

И брата я

Не только въ братѣ нахожу:
За жизнью дальнишь я слѣжу.

every man without regard to the circumstances of his life, which can permeate the heart of the rich and the poor alike; it is that position which can be occupied by all people without distinction, because they all are created with the faculty to enjoy it, because they all are called by God to life eternal and can become dwellers of heaven. They can already live in this condition in this life. Everybody, who can rejoice at the present joy, is already a partaker of the eternal joy, the joy which is natural to the being of man. An Angel of the Lord appears to the shepherds, the angels sing for all men; all can listen to them and all can receive an impression of the singing of the heavenly dwellers. They sing for all, for the rich and the poor, the happy and the miserable. We see that the manger of the new born Divine Babe is approached both by the wealthy wise men, who bring gold frankincense and myrrh, and by poor shepherds, who also walk thither in the hope that they also shall be admitted, for they are bringing their souls and their hearts overfilled with the most precious and joyous feelings. This is why the Angel of the Lord announced the great joy for the salvation by the wealthy wise men, who bring gold, of all men. Jesus Christ came on earth for all men. Great is our joy, for the Saviour of us all is born, Who is Christ the Lord. Christ is born, — give praises! Christ from heaven, — meet Him!

О нихъ скорблю, за нихъ дрожу:
Мы всѣ — семья.

Пройти по крестному пути
Твоей я силою дерзну

Лишь отъ Тебя мнѣ отойти —
Есть смерть.

И берегу я мысль одну:
Какъ надо мной Твоя есть твердь,
Такъ весь хочу я быть съ Тобой,
Спаситель мой!

Прот. Л. Т—чь.

„Торжество всѣхъ живущихъ въ Америкѣ Русскихъ людей“.

ОСВЯЩЕНІЕ СИРОТСКАГО ПРИЮТА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ (БРОНЗВИЛЛѢ).

Американская Русь обогатилась новымъ славнымъ русскимъ учрежденіемъ. Воздвигнутъ Сиротскій Приютъ, и день, когда онъ освященъ, золотыми буквами занесенъ въ лѣтописи русской жизни и дѣятельности въ этой странѣ.

Ибо, поистинѣ, это *«не частное торжество, а наше общее, торжество всѣхъ живущихъ въ Америкѣ Русскихъ людей»*.

Такъ сказалъ въ своемъ святительскомъ призывѣ, — откликаясь на значеніе этого великаго событія и дѣлясь со всею безчисленной паствою своей чувствами, какими преисполнена была въ тотъ день его душа, — Архипастырь.

Щедръ и милостивъ Господь къ святой Русской Церкви въ Америкѣ! Благословилъ Онъ великою радостью вѣнецъ прошлаго лѣта: ибо первые дни его озарены были праздничными лучами освященія русскаго православнаго разсадника духовнаго просвѣщенія — новой Нью-Йоркской Семинаріи. А нынѣ благословилъ Онъ и кончину того же лѣта, — послѣдніе дни его, — еще большимъ счастіемъ, озаривъ ее святымъ блескомъ русской любви, русскаго милосердія, создавшаго кровь для тѣхъ, милость къ кому завѣщаль нашъ Спаситель, и жалость къ кому навѣвается дыханіемъ истекающихъ Святочныхъ Рождественскихъ дней.

Всего нѣсколько дней оставалось до новаго года. И какъ естественно — по человѣчески — было бы поддаться желанію счастливымъ событіемъ, вносящимъ новую главу въ исторію жизни нашей здѣсь, возглавить Новый

годъ, чтобы онъ, счастливо начавшись, предвозвѣщаль намъ и счастливое его продолженіе! Но щедрость христіанская не терпитъ промедленія. Довлѣетъ дневи забота его! Не ожидаетъ «завтра» рука милосердія, и Архипастырь какъ бы всемирно торопится дѣлать добро, купно съ водимою имъ Американскою Церковью вѣруя, что Господь не оставитъ безъ радостей и грядущее лѣто, ибо и впереди жатва многа, ибо каждый часъ открываетъ новыя нужды, зоветъ на новое дѣло, ибо много и много потребно еще для блага Руси Американской, и въ самомъ дѣланіи — великое, выстраданное тяжелой цѣной, утѣшеніе!

И вотъ, уже совершенно торжество, но отзвуки его живутъ въ нашей памяти, и содержаніе, и смыслъ, и важность событія не умерли въ душѣ нашей и не умрутъ; отзвуки его мы несемъ въ благовѣстіе Новому Году, вмѣстѣ съ Высочайшимъ привѣтомъ Русской Государыни, откликнувшейся всеучастливо на восторженныя чувства русскихъ людей.

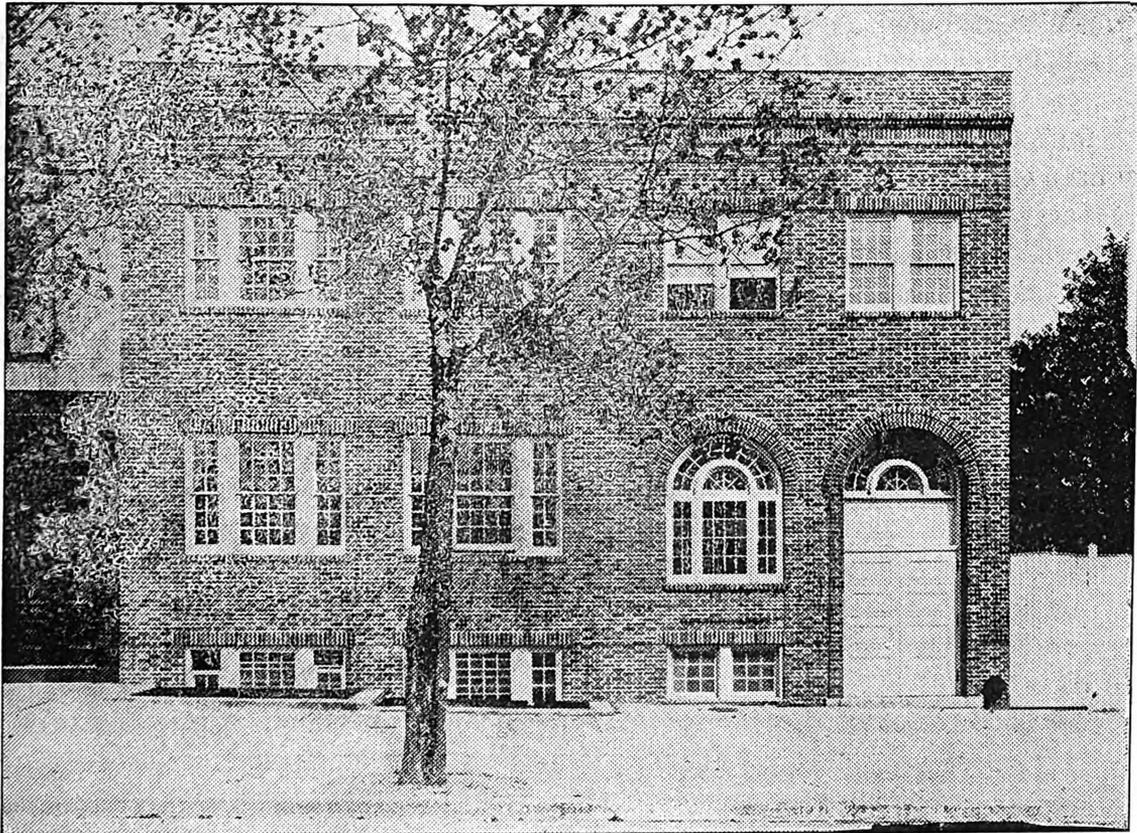
«Да будетъ благословеніе Божіе на добромъ начинаніи!»

Торжество и началось, и закончилось молитвою. Три святителя Американской Православной Церкви литургисали въ этотъ день въ небольшой обновленной церкви при сиротскомъ приютѣ. Освобожденный отъ рядовыхъ занятій американскимъ «Кристинсомъ» русскій людъ во множествѣ заполнял храмъ и его паперть. Духовенство собралось не изъ прилегающихъ только приходовъ, а изъ далекихъ окрестностей. Кафедральная

капелла чуднымъ пѣніемъ располагала богомольцевъ къ умиленію. Настоятель церкви, завѣдующій Сиротскимъ пріютомъ, свящ. І. Чепелевъ въ словѣ на текстъ «милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася» старался привить сознанию молящихся ту истину, что милость наша къ дѣтямъ сиротамъ должна стать «истиною» для насъ,

дома, законченное помазаніемъ стѣнъ его елеемъ и громогласными многолѣтіями.

Многолѣтія раздавались и послѣ подъ сводами пріюта, перемежаясь мощнымъ пѣніемъ русскаго гимна и русскимъ «ура», когда возглашены были Владыкою Архіепископомъ во время постной трапезы здравицы за Государя Императора, Государынь Императрицъ,

Сиротскій Пріютъ, основанный Архіепископомъ Платономъ.

должна быть неперемѣннымъ долгомъ нашимъ. Послѣ причастна, обратился къ народу самъ Архипастырь, Высокопреосвященнѣйшій Владыка Платонъ, съ помѣщеннымъ въ прошломъ номерѣ нашего изданія словомъ.

Со славою и святынями прослѣдовали затѣмъ Архипастыри съ духовенствомъ и народомъ во внутреннее помѣщеніе новаго пріюта, и тамъ, въ большомъ школьномъ залѣ, совершили молебствіе по чину освященія

Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ, и когда, въ отвѣтъ на общее пожеланіе присутствовавшихъ русскихъ людей, составлена была и прочитана каблеграмма на имя Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. По давно принятому обычаю, здравицы сопровождались не чоканіемъ бокаловъ, отсутствовавшихъ по отсутствію са-мыхъ винъ, а поклономъ Архипастырю и испрошеніемъ его святительскаго благословенія.

Много прекрасныхъ словъ и чувствъ сказано было на этомъ собраніи. Со всею очевидностью указали они, что въ сознаниі русскихъ людей важность минуты и великость событія усвоены со всею очевидностью. Въ рѣчахъ всѣхъ звучала радость по поводу открытія столь потребнаго Американской Руси пріюта, звучала благодарность къ его Устроителю, звучали молитвенныя пожеланія, чтобы такъ прекрасно начатое дѣло не встрѣчало препятствій на своемъ пути, чтобы на нужды сиротъ всегда откликалось горячо и щедро русское сердце, чтобы Пріютъ возрасталъ отъ силы въ силу.

Прекрасную рѣчь сказалъ отъ имени Генеральнаго Императорскаго Консульства добрый другъ каждого добраго русскаго начинанія въ Америкѣ, баронъ О. А. Корфъ, представлявшій собою особу Императорскаго Генеральнаго Консула, по болѣзни супруги отсутствовавшего. Онъ, задушевнымъ словомъ привѣтствовавъ Американскую Миссію и ея Первосвятителя и виновника торжества съ великолѣпнымъ учрежденіемъ, отмѣтилъ государственное значеніе этого святаго дѣла — опеки русскихъ сиротъ въ этой странѣ. И какъ здѣсь не были забыты въ эту минуту никто изъ потрудившихся и сочувствовавшихъ святому дѣлу, такъ и Американская Русь показала, что и ею святое дѣло открытія пріюта не было въ эту минуту забыто. Присутствовавшіе несли посильные дары и отъ своего лица и отъ имени тѣхъ организацій, которыя выслали ихъ какъ своихъ пословъ и выразителей общихъ святыхъ чувствъ. Въ нѣсколько минутъ обезпечено было нѣсколько кроватей для сиротъ. Легко представить, какъ отрадно было слышать такія заявленія, какъ отрадно было видѣть такое проявленіе христіанской русской любви!

Мы нарочито помѣщаемъ еще разъ снимокъ — наружный видъ зданія новаго пріюта, чтобы дать читателямъ полную идею этой

постройки. То что изображено на снимкѣ — совершенно новое до послѣдняго кирпича зданіе. Верхній этажъ — свѣтлая, просторныя спальни съ необходимыми удобствами, гардеробными, ванными и пр. Средній — школьный, рекреационный залъ, комната смотрительницы и пріемная. Нижній — столовая, кухня, прачешная, паровые котлы, и служебныя комнаты. Посмотрите на наружный видъ зданія и вы сами скажете, что напрасно не потрачено ни одного цента — на не нужныя украшенія: строго, достойно и необычайно просто. Ничего лишняго, — но уже сразу видно, что для сиротокъ свѣта много, воздуха много, помѣщенія и простора вдоволь. Таже экономія, простота, продуманность и внутри, — и однако все отвѣчаетъ самымъ строгимъ городскимъ гигиеническимъ требованіямъ. Электрическій свѣтъ, паровое отопленіе, чистота. Любо поглядѣть. Одинъ сиротка, который, пока везли его въ пріютъ, все время навзрыдь рыдалъ и рвался къ дальней теткѣ, и все кричалъ, что отъ нея никуда идти не хочетъ, — только привезли его, на тетку пересталъ и глядѣть и рѣшительно заявилъ, что никуда изъ пріюта не поидеть. Всего помѣщенія пока на 50 кроватей, но къ зданію примыкаетъ еще свободный участокъ земли, и планъ пріюта выработанъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, — при ростѣ дѣла, и при нѣкоторомъ притока средствъ, можно было вплотную къ лѣвой сторонѣ зданія пристроить и еще совершенно такую же постройку. Откликнитесь, благодѣтели!

Съ лѣвой стороны, къ новому зданію прилегаеть каменный домикъ готовой постройки, но совершенно передѣланный и приспособленный къ нуждамъ пріютскаго дѣла. Здѣсь живетъ о. Завѣдующій пріютомъ и пріюто-приходскій учитель. Зданіе это слито съ новымъ зданіемъ коридорами и дверями, и отсюда же прямой ходъ въ церковь и приходскую школу. Вообще усадьба использована съ обычнымъ умѣніемъ архитектора И.

В. Бергезена, талантливо воплощающаго въ своихъ чертежахъ идеи творца ихъ Владыки Архіепископа.

Закончу эти бѣглыя строки тѣмъ чѣмъ началъ: словами Высокопреосвященнѣйшаго Основателя Приюта:

«Христіанинъ, православный русскій христіанинъ!.. Еслибы каждый изъ насъ давалъ только то, безъ чего можетъ обойтись, то и тогда наши сироты были бы обезпеченными и въ довольствѣ здѣсь живущими...

«Да будетъ же и преизбудетъ благословеніе Божіе надъ нашимъ сиротскимъ приютомъ, и милость Божія пусть будетъ всегда какъ съ живущими въ немъ дѣтьми, такъ и съ тѣми кто приложилъ сердце свое къ христіанскому попеченію о нихъ. Аминь.»

Прот. А. Хотовицкій.

ДАРЪ СИРОТЪ.

Завѣдующій Сиротскимъ Приютомъ о. І. Чепелевъ въ «Свѣтѣ» дѣлится съ читателями такими чувствами и соображеніями.

«День освященія нашего Сиротскаго Приюта былъ исполненъ и преисполненъ радостей для нашихъ сиротокъ. Торжественно-величественное богослуженіе, совершенное тремя святителями Американской Православной Церкви, въ сослуженіи сонма духовенства, тысячи молящихся, пришедшихъ изъ окрестныхъ приходоѡ раздѣлить наше торжество, прекрасное пѣніе каѡедральной капеллы... А заключительнымъ аккордомъ всего этого послужили тѣ матеріальныя результаты, какіе послѣдовали на призывъ нашего Первосвятителя, Архіепископа Платона.

Вотъ эти результаты.

Въ день освященія Приюта учреждены въ немъ слѣдующія кровати:

1) Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Платона, N 1;

2) Русскаго Православнаго Общества Взаимопомощи, N N 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11;

3) Братской Кассы Духовенства Американской Епархіи, N 12;

4) Саутъ Риверскаго православнаго русскаго прихода, N 13;

5) Ольдфордскаго православнаго русскаго прихода, N 14;

6) Каѡедрального собора, N 15;

7) Аллегенскаго прихода, N 16;

8) Пассайкскаго прихода, N 17;

9) Вилькесъ-Баррскаго прихода, N 18;

10) Скрантонскаго прихода, N 19;

11) Джерзей-Ситскаго прихода, N 20;

12) Филадельфійскаго Св. Михайловскаго прихода, N 21.

Всего 21 кровать.

Въ слѣдующихъ N N «Свѣта» мы будемъ печатать имена тѣхъ приходоѡ, которые успѣютъ къ Святымъ днямъ Рождества Христова сдѣлать постановленія о томъ, что они берутъ на себя кровати и — сколько кроватей.

Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать попутно нѣсколько замѣчаній.

1. Одинъ священникъ заявилъ мнѣ, будто бы его прихожане не поняли, что значить взять на свое содержаніе кровати: они думали, что достаточно внести разъ \$120.00 и ихъ обязательству за кровати конецъ.

Совершенно нѣтъ. Потому кровати и учреждаются, что идея о кровати есть *нѣчто постоянное, вѣчное*, и, значить обязательство прихода, взявшаго на свое имя кровати въ приютѣ, есть тоже *обязательство постоянное, вѣчное*.

2. Мнѣ помнится то время, когда Владыка нашъ призвалъ къ жизни Эмигрантское Общество и Эмигрантскій Домъ. Былъ сдѣланъ призывъ ко вступленію въ члены Эмигрантскаго Общества, и въ первый годъ, какъ то показала первая конвенція Эмигрантскаго Общества, въ члены его вступило много кор-

порацій, какъ братства, приходы, а равно — частныхъ лицъ. Но уже во второй годъ существованія Эмигрантскаго Общества и при немъ Эмигр. Дома число членовъ его значительно сократилось и сейчасъ очень невелико.

Одной изъ существенныхъ причинъ такого печальнаго факта, когда люди, начиная доброе дѣло, очень скоро охладѣваютъ къ нему, являемся мы сами — «проводыри» народа, а въ частности мы, священники. Мы дѣйствуемъ въ большинствѣ случаевъ на сердце людей. Отсюда дѣла благотворенія пріобрѣтаютъ у насъ характеръ *порывовъ*, временныхъ и скоропреходящихъ. Между тѣмъ, есть вещи, которыя нужно проводить не только черезъ нервы, черезъ сердце, но и черезъ и даже преимущественно *черезъ сознание* народа. Къ такимъ вещамъ относится и дѣло благотворительности на сиротъ, разъ мы хотимъ поставить его на твердыя, незыблемыя основы. Если намъ удастся внушить уму нашего прихожанина, что *милость* есть *долгъ* христіанина, тогда только мы сдѣлаемъ дѣло такъ, какъ оно въ данномъ случаѣ должно быть сдѣлано.

3. До сихъ поръ наши приходы почти не участвовали въ благотворительности. Дѣло благотворительности до сихъ поръ почти исключительно несетъ на своихъ плечахъ наше славное Общество Взаимопомощи. Постройка новыхъ церквей, Семинарія, Сиротскій Пріютъ, Эмигрантскій Домъ, образовательный Фондъ, помощь русскимъ въ Галиціи, — вѣдь во всѣхъ этихъ благотворительныхъ институціяхъ и начинаніяхъ участвуетъ почти исключительно Общество да его Братства.

А приходы?

Вѣдь въ Обществѣ у насъ всего 7-8 тысячъ человекъ, между тѣмъ, какъ Американская Православная Русь насчитываетъ *сотни тысячъ членовъ!*

Задача насъ — священниковъ и состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ благотворитель-

ности эти сотни тысячъ православныхъ, которые до сихъ поръ были для благотворительности мертвы.

Въ заключеніе же сей моей замѣтки отъ имени Сиротъ приношу самую искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ и организаціямъ, учредившимъ при нашемъ сиротскомъ пріютѣ кровати своего имени.

Богъ да воздастъ вамъ за вашу милость къ сиротамъ!»

«О»

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ, СВЯТАЯ РУСЬ!

Земля родная, славная,
Святая, православная
Къ тебѣ душой стремлюсь.
Широкими просторами,
Долинами и горами,
Степами необъятными,
Лугами ароматными

Раскинулась ты, Русь!

Рѣками перевитая,
Какъ въ ленты въ нихъ
завитая;

То снѣжною парчой,
Какъ саваномъ накрытая,
Парчою бѣлоснѣжною,
Какъ мантией безбрежною,
Одѣта ты зимой.

Но грянуть громы вешные,
И жаворонки нѣжные
Чуть въ небѣ воспарятъ,
Ты какъ цвѣтокъ нарядная,
И свѣжесть благодатная —
Весенній твой нарядъ.

У Руси нашей матушки,
Какъ у красы—касатушки,
Несчасть нарядовъ тѣхъ,

Она, что день, съ обновой,
То съ травушкой шелковою, —
Зелененькій побѣгъ, —
Съ фіалками душистыми,
То съ ландышами чистыми
Какъ жемчуга, какъ снѣгъ...

А лѣто появляется, —
И снова открываются
Волшебные лари;

Природою богатою,
Природой тароватою
Приносится дары.

Изъ ягоды, изъ зелія
Плетутся ожерелія;
И вишней какъ кораллами,
И сочными и алыми,
Земля вся обвилась;
Какъ въ шали самотканья,
Какъ въ сапожки сафьянные —
Садами убралась...

По осени лучистые,
Какъ солнце золотистые,
Цвѣта — ея уборъ.

Сверкаетъ переливами,
Всей радуги отливами,
Затѣйливый узоръ.
Лозою виноградною,
Пріятной, ароматною
Запѣнилась земля,
И принесли богатые,
Людскимъ трудомъ пожатые,
Свои дары поля...

Что въ Русь природой вложено,
Трудомъ что приумножено, —
Во вѣкъ не счастье добра,
Съ камнями минералами,
Безцѣнными металами
И злата и сребра...

**

О, Русь моя великая!
Такихъ богатырей,
Какъ ты, на свѣтѣ Божіемъ,
Иныхъ и не сыскать.

Ищи хоть съ утра раняго,
Ищи до поздней ноченьки,
Ищи хоть день-деньской,
Ищи хотя недѣлями,
Ищи хоть цѣлы мѣсяцы,
Ищи хоть круглый годъ,
Ищи хотя столѣтія,
Ищи хоть вѣки вѣчные,—
Ты богатырь одинъ!
Головку русокудрую
Едва не полюсь сѣверный
Замѣсто теплой шапочки
Собою понакрылъ;
А ножкой богатырскою
Чуть не у моря Чернаго
Поутвердился ты,
Чтобъ легче за проказникомъ,
За туркой-безобразникомъ,
Слѣдить, и тумачкомъ,
Чуть станетъ только вольничать,
Башибузука въ Азію

Спустить: «гудбай, мусью!»
Немало, другъ, заботушки,
Тебѣ по лѣвой рученькѣ,
Со всякой азіатщиной,
Съ Японщиной, съ Китайщиной,—
Всегда тутъ на чеку.

А справа тоже «публика»:
Всегда держать тутъ надобно
Готовый кулачокъ, —
Держать его въ перчаточкѣ,
Изъ брони прочно скованной,
Для боя приспособленной,
Могучей и стальной.

По всей по этой линіи
Богатырю приходится
Покрякивать, покрикивать
Европѣ «ассаже»!
Европа—ухъ коварная,
Чуть зазѣвался молодець,
Уже готова бомбочку
Къ сердечку приложить,
Чтобъ разорвать на часточки,
На мелкіе кусочечки,
Чтобъ духу не осталось
Отъ Русскаго могущества, —
Чтобъ тѣшились недруги,
Безъ сожалѣнья гляючи
На молодца разбитаго,
Красавца исполинскаго, —
Чтобъ русскаго орла
Подрѣзать крылья мощныя,
Чтобы потомъ бахвалиться:
«Была-де Русь могучая,
«Была-де, да сплыла!
«Теперь-де намъ не боязно,
«Теперь намъ воля полная
«Разгульничать во всю.
«Съ славянскими народами,
«Что захотимъ, то сдѣлаемъ,
«Не страшно: кто намъ что?!»

Шалишь, мой другъ, Европушка!
Шалишь, другъ, руки коротки,
Ты съ Русью не шути!
Коварная салопница,
Тебѣ-ли съ русскимъ витяземъ
Бороться и грозить?
Грозить ему? Проваливай!
Не то махнетъ нашъ молодець,
Махнетъ своею рученькой,
Всѣмъ правымъ кулачкомъ,

Тѣмъ кулачкомъ въ перчаточкѣ,
Изъ брони прочно скованной,
Для боя приспособленной,
Могучей и стальной.

Не станешь ты бахвалиться,
Не станешь глупо тѣшиться,
Что скоро отъ него,
Отъ добра русска молодца,
И духу не останется,
Что будутъ крылья срѣзаны
У русскаго орла;

«Была-де Русь могучая,
«Была Русь богатырская,
«Съ героями, съ великими,
«Со славою, съ побѣдами,
«Была-де да сплыла!».

Вы, русскіе ребятишки,
Сыны могучей родины,
Сыны Россіи славные,
Скажите сами, правду ли
Я этимъ говорю?

Своей душою славной,
Душою благородною,
Въ годину Руси тяжкую,

Не встанете-ли вы?
Не встанете-ль, вы, храбрые,
Земли хороброй витязи,
Державы Русской воины,
Какъ человекъ одинъ?

Не пронесется-ль мощное,
Какъ въ небѣ громъ раскатами,
Изъ края въ край могучее
Ура непобѣдимое,
Всерусское «ура»?!!

**

Не рѣченька безводная,
Не озеро спокойное,
Не сине море,—бурное,
А цѣлый океанъ
Насъ подѣлили съ родиной.
Огромнѣйшимъ Атлантикомъ,
Опасными пучинами,
Бездонной глубиной,
Отъ Руси мы отрѣзаны,
Судьбой сюда заброшены
Въ далекій, чуждый край.

Спасибо, другъ Америка!
Спасибо благодарное,
Всегда мы принесемъ
За то, что здѣсь счастливаго,
Радужнаго и добраго
Мы встрѣтили въ тебѣ.

Какъ будто здѣсь и ладно намъ,
И всякъ здѣсь надъ собою самъ
Какъ будто господинъ, —
Но отчего же, милые,
Чуть самъ съ собой останешься,
Волной неудержимою
Всѣ чувства потекли
Туда, туда на родину,
Къ родной своей сторонущкѣ,
Гдѣ церковка убогая
Съ священными могилками,
И дѣдовъ и отцовъ!
Гдѣ звонъ, какъ голосъ ангельскій,
Хватаетъ прямо за душу,
Гдѣ памятно все намъ;
Гдѣ годы наши дѣтскіе,
Съ ихъ играми—забавами,
Съ ихъ пѣснями—невинными,
Промчались, протекли, —
Гдѣ мы узнали радости,
Свивать гнѣздо родимое,
Ласкать сынишку первенца;
Гдѣ лепетъ первый дѣточекъ
Ласкалъ намъ нѣжно слухъ;
Гдѣ лѣсъ зеленый, рѣченька,
Гдѣ холмики съ березками,
Широкія поля,
Съ коврами самоцвѣтными —
Травы, цвѣтовъ и колоса,
Гдѣ все — своя земля..

**

Ахъ, что душою чувствуешь,
Чѣмъ сердце преисполнено,
Всего здѣсь не сказать...
Заволокло туманами,
Заволокло вдругъ оченьки,
И изъ очей невольная
Скатилася слеза,
Кристалльная, хрустальная,
Слезка какъ бриллиантъ.

О, если-бъ въ слезкѣ солнышко
Лучемъ да отразилось,
И милую печаль
Лучами перебросило
Туда въ родимый край,
Чтобъ тамъ въ краю насъ вспомнили,
Любовью намъ отвѣтили,
Какъ любимъ ихъ здѣсь мы!

О, други, братья русскіе!
Въ минуты новогоднія
Примите вашъ привѣтъ:

Чтобъ полонъ миромъ, счастиемъ
Щедротами отъ Вышняго,
Здоровьемъ и отрадою,
Во всемъ благополучиёмъ,
Для васъ былъ Новый Годъ!
Чтобъ домъ былъ чашей полною,
Чтобъ все дышало дружествомъ,
Чтобъ братскою любовью
Вся русская семья
Была накрѣпко связана,
Чтобъ въ мирѣ съ Богомъ, съ
ближними,
И со своею совѣстью
Начать намъ лѣто новое,
Начать намъ Новый Годъ.

Русь славная, державная!
Да крѣпнешь въ новой мощности!
Ты, русский нашъ народъ!
Да вѣки благоденствуешь,
Да всѣмъ сверкаешь доблестью,
Душою благородною,
Душою христіанскою!
Любовью безконечною
Сіяй на вѣки вѣчные,
Сіяй, святая Русь!

Прот. А. Х.

«0»

Святая ночь.

(«*Легенды о Христѣ*» С. Лагерлефъ).

Когда мнѣ было пять лѣтъ, меня постигло очень большое горе. Болѣе сильнаго я, кажется, не знала съ тѣхъ поръ.

Это было тогда, когда умерла моя бабушка. До самой своей кончины она каждый Божій день сидѣла въ своей комнатѣ, на угловомъ диванѣ, и рассказывала сказки.

Я только и помню, что бабушка сидѣла и рассказывала, — рассказывала съ утра до вечера, а мы, дѣти, тихо сидѣли возлѣ нея и слушали. Чудесная была эта жизнь! Никакимъ другимъ дѣтямъ не жилось такъ, какъ намъ.

Лишь немного сохранилось у меня въ памяти о моей бабушкѣ. Помню, что у нея были красивые, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы, что она

ходила, совсѣмъ сгорбившись, и постоянно сидѣла и вязала чулокъ.

Помню еще, что, кончимъ рассказывать какую-нибудь сказку, она обыкновенно клала мнѣ на голову руку и говорила: — И все это такая же правда, какъ то, что я вижу тебя, а ты видишь меня.

Еще я помню, что она умѣла пѣть пѣсни, но пѣла она ихъ не каждый день. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ рѣчь шла о рыцарѣ и о морской царевнѣ, и у нея былъ припѣвъ: «Вѣтеръ холодный, холодный надъ моремъ подуль».

Затѣмъ помню маленькую молитву и псаломъ, которымъ она меня выучила.

Отъ всѣхъ сказокъ, которыя она мнѣ рассказывала, у меня осталось лишь блѣдное, смутное воспоминаніе. Только одну изъ нихъ я помню такъ хорошо, что могла бы пересказать ее. Это маленькая легенда о Рождествѣ Христовомъ.

Вотъ почти все, что я могу припомнить о своей бабушкѣ, кромѣ того, что я помню лучше всего, — ощущенія великой утраты, когда она покинула насъ.

Я помню то утро, когда угловой диванъ оказался пустымъ, и было невозможно понять, какъ часы дня дотянутся до конца. Это я помню. Этого я не забуду никогда.

И помню я, какъ насъ, дѣтей, подвели къ усопшей, чтобъ мы поцѣловали ея руку. Мы боялись ее цѣловать; но тогда кто-то сказалъ намъ, что это послѣдній разъ, когда мы можемъ поблагодарить бабушку за всѣ радости, которыя она намъ доставляла.

И я помню, какъ сказки и пѣсни уѣхали съ нашего двора, уложенныя въ длинный, черный ящикъ, и какъ онъ никогда больше не возвращался.

Помню, что-то ушло тогда изъ жизни. Точно заперли дверь въ широкій, прекрасный, волшебный міръ, въ который мы прежде всегда имѣли свободный входъ. И никого не нашлось, кто сумѣлъ бы отпереть эту дверь.

Помню также, что мы научились мало-помалу играть въ куклы и игрушки и жить такъ, какъ всѣ другія дѣти, и съ виду могло казаться, что мы не тоскуемъ больше о бабушкѣ и не вспоминаемъ о ней.

Но даже и въ эту минуту, спустя сорокъ лѣтъ, когда я сижу и собираю легенды о Христѣ, слышанныя мною на Востокѣ, въ моей памяти встаетъ сказаніе о Рождествѣ Христовомъ, которое любила рассказывать бабушка. И мнѣ хочется повторить его еще разъ и включить и его въ мой сборникъ.

**

Это было въ Рождественскій вечеръ, когда всѣ уѣхали въ церковь, кромѣ бабушки и меня. Мы были, кажется, однѣ во всемъ домѣ. Насъ не взяли, потому что одна изъ насъ была слишкомъ мала, другая слишкомъ стара. И обѣ мы тужили о томъ, что не можемъ поѣхать въ вечерней службѣ и не увидимъ рождественскихъ огней.

Но пока мы сидѣли въ своемъ одиночествѣ, бабушка начала рассказывать.

— Былъ когда-то человѣкъ, — сказала она, — который въ темную ночь вышелъ на улицу, чтобъ попросить огня. Онъ перешелъ отъ хижинѣ къ хижинѣ и стучался. — Другъ, помоги мнѣ! — говорилъ онъ. — Моя жена только что родила на свѣтъ ребенка, и мнѣ надо развести огонь, чтобы согрѣть ее и младенца.

Но была глубокая ночь, такъ что всѣ люди спали. Никто не откликался на его зовъ.

Человѣкъ шелъ и шелъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ вдали мерцающее пламя. Онъ направился въ ту сторону, откуда шелъ свѣтъ, и увидѣлъ, что огонь разведенъ подъ открытымъ небомъ. Множество бѣлыхъ овецекъ лежали и спали вокругъ костра, а старый пастухъ сидѣлъ и стерегъ свое стадо.

Когда человѣкъ, хотѣвшій попросить огня, подошелъ къ овцамъ, онъ увидѣлъ, что у ногъ пастуха лежатъ и спать три собаки. Всѣ три проснулись, когда онъ подошелъ, и раскрыли

свои широкія пасти, точно собираясь залазать, но не издали ни одинаго звука. Онъ видѣлъ, какъ шерсть дыбомъ поднялась у нихъ на спинѣ, видѣлъ, какъ ихъ острые зубы ослѣпительно-бѣлымъ блескомъ засверкали въ заревѣ костра, и какъ всѣ онѣ кинулись на него. Онъ почувствовалъ, что одна кусаетъ ему ногу, другая руку, третья вцѣпилась ему въ горло. Но челюсти и зубы, которымъ собаки хотѣли кусать, не слушались ихъ, и человѣкъ не потерялъ отъ нихъ ни малѣйшаго вреда.

Онъ хотѣлъ итти теперь дальше, чтобы получить то, что ему было нужно. Но овцы лежали такъ тѣсно другъ возлѣ друга, спина къ спинѣ, что онъ не могъ пробраться между ними. Тогда онъ всталъ имъ на спину и по нимъ пошелъ впередъ, къ костру. И ни одна овечка не проснулась и не пошевелилась.

До сихъ поръ бабушка вела рассказъ безъ перерыва, но тутъ я не могла удержаться, чтобы ея не перебить. — Отчего же, бабушка, онѣ не проснулись? — спросила я. — Это ты скоро узнаешь, — сказала бабушка и продолжала свое повѣствованіе.

— Когда человѣкъ подошелъ достаточно близко къ огню, пастухъ поднялъ голову. Онъ былъ сердитый старикъ, грубый и жестокий со всѣми. И, когда онъ увидалъ, что къ нему приближается незнакомецъ, онъ схватилъ длинный, остроконечный посохъ, который обыкновенно держалъ въ рукѣ, когда пасъ свое стадо, и бросилъ имъ въ него. И посохъ со свистомъ направился прямо на человѣка, но, не ударивъ его, отклонился въ сторону и полетѣлъ мимо, на другой конецъ поля.

Когда бабушка дошла до этого мѣста, я снова прервала ее. — Бабушка, почему палка не захотѣла побить этого человѣка? — Но бабушка не сочла нужнымъ отвѣтить мнѣ и продолжала свой рассказъ:

— Человѣкъ подошелъ тогда къ пастуху и сказалъ ему: — Другъ, помоги мнѣ, дай мнѣ немножко огня! Моя жена только что

родила на свѣтъ ребенка, и мнѣ надо развести огонь, чтобы согрѣть ее и младенца.

Пастухъ предпочелъ бы отвѣтить отказомъ; но, когда онъ подумалъ, что собаки не могли повредить этому человѣку, овцы не разбѣжались предъ нимъ, и посохъ не хотѣлъ его ударить, онъ слегка испугался и не посмѣлъ отказать ему въ его просьбѣ.

— Бери сколько тебѣ нужно! — сказалъ онъ ему.

Но костеръ почти догорѣлъ. Не оставалось больше ни головней, ни хвороста, а только большая куча жару; у незнакомца же не было ни лопаты, ни совка, которыми онъ могъ бы набрать себѣ красныхъ угольковъ.

Увидѣвъ это, пастухъ сказалъ опять: — Бери сколько тебѣ нужно! — и былъ радъ, что человѣкъ не можетъ захватить съ собой огня.

Тотъ наклонился, выбралъ угли изъ щелла голыми руками и завернулъ ихъ въ свой плащъ. И угли не обожгли ему рукъ, когда онъ трогалъ ихъ, и не зажгли на немъ плаща; онъ понесъ ихъ, словно это были яблоки или орѣхи.

Но тутъ я въ третій разъ перебила разсказчицу:

— Бабушка, отчего угольки не хотѣли его обжечь?

— Узнаешь потомъ, — сказала бабушка и стала разсказывать дальше.

— Когда пастухъ, который былъ такимъ злымъ и сердитымъ человѣкомъ, увидѣлъ все это, онъ началъ самъ про себя удивляться: — Что это за ночь, въ которую собаки не кусаютъ, овцы не пугаются, копые не убиваетъ и огонь не жжетъ? — Онъ позвалъ назадъ незнакомца и сказалъ ему: — Что это за ночь такая? И по какой причинѣ всѣ животныя и вещи оказываютъ тебѣ милосердіе?

Тогда человѣкъ отвѣтилъ: — Я не могу тебѣ этого сказать, разъ ты самъ этого не видишь. — И онъ хотѣлъ идти своей дорогой,

что
сво

И

вѣ

что

по

тал

]

ца

его

го

лы

мл

э

ст

ла

съ

ку

что

Но

что и онъ

его открылись, и онъ увидѣлъ то, чего раньше

не могъ видѣть, и услышалъ то, чего раньше

не могъ слышать.

Онъ увидѣлъ, что вокругъ него стоитъ тѣс-

ный кругъ ангелочковъ съ серебряными кры-

лышками. И каждый изъ нихъ держалъ въ

рукѣ лютию, и всѣ они пѣли громкимъ голо-

сомъ о томъ, что въ эту ночь родился Спаси-

тель, который избавитъ міръ отъ грѣха.

Тогда онъ понялъ, почему все въ природѣ

такъ радуется въ эту ночь, что не хочетъ дѣ-

лать никакого зла.

И не только вокругъ пастуха были ангелы;

онъ видѣлъ ихъ повсюду. Они сидѣли въ пе-

щерѣ, сидѣли на горѣ и летали въ подне-

бесьѣ. Они шли по дорогѣ цѣлыми толпами и,

когда проходили мимо, останавливались и

бросали взоръ на младенца.

И такое было ликованіе, такая радость, та-

кое пѣніе и веселіе, и все это онъ увидѣлъ

среди ночной тьмы, въ которой раньше ниче-

го не могъ разглядѣть. И онъ, обрадовав-

Сэйлемскій, Осцеольскій, Паттонскій, Филиппсбургскій, Питтсбургскій, Чарлеройскій.

3) Въ составъ Чикагскаго округа входятъ приходы: Бенлдскій, Бруксайдскій, Гартсгорнскій, Денверскій, Детроитскій, Деслоджскій, У Галвестонскій, Геррійскій, Джоліетскій, Калганскій, Корнукопійскій, Мадисонскій, Миннеаполиссскій съ часовнями (въ Голдингфордъ, Чишолмъ, Того, Дулутъ, Оватонна, Гуронъ, Люблинъ, Лейгръ, Леонъ и Мейсонъ Сити), Пуэблскій, С.-Францисканскій, С.-Луїскій, Чикагскій (Михайловскій), Чикагскій (Троицкій).

4) Сѣверо-Американское Духовное Правленіе вмѣняетъ въ непремѣнный долгъ всѣмъ причтамъ Епархіи непремѣнно представить о.о. благочиннымъ церковную за 1913 г. отчетность не позже 15 Января 1914 г. въ такомъ порядкѣ:

а) Метрическія книги въ двухъ экземплярахъ;

б) Приходо-Расходныя книги;

в) Клировыя Вѣдомости (съ описью церкви и точнаго формулярнаго списка прѣдковъ) въ 3-хъ экземплярахъ;

г) Богослужебный журналъ;

д) Общую вѣдомость о присоединившихся къ Православію;

е) Восемь (8) статистическихъ приходскихъ вѣдомостей.

5) Отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія симъ предлагается духовенству Епархіи озаботиться незамедлительнымъ представленіемъ въ Правленіе подписной платы на 1914 годъ, на журналы — «Американскій Православный Вѣстникъ» (\$3.00) и «Церковныя Вѣдомости» (3 доллара), при обозначеніи точныхъ адресовъ, по какимъ означенные журналы имѣютъ быть высылаемы Редакціями.

Секретарь свящ. Петръ Коханикъ.

Духовное Правленіе симъ даетъ знать къ свѣдѣнію духовенства Епархіи, что:

1) на докладѣ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему ПЛАТОНУ, Архіепископу Алеутскому и Сѣверо-Американскому, о раздѣленіи Питтсбургскаго благочинія на два Округа, послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 Дек. 1913 г. за № 1045 такого содержанія:

«Данное раздѣленіе Питтсбургскаго благочинія на два округа утверждается и благочиннымъ Питтсбургскаго округа назначается священникъ Василій Кувшиновъ, а благочиннымъ Чикагскаго округа остается священникъ Александръ Кукулевскій».

2) Въ составъ Питтсбургскаго благочинія входятъ приходы: Акронскій, Аллегенскій, Эмбриджскій, Блэкликскій, Бутлерскій, Винтондельскій, Герминійскій, Экспортскій, Джэкобскрикскій, Джэннетскій, Карнегскій, Кливландскій, Конемавскій, Келлейсайландскій, Лоренскій, Мадейрскій, Марблегодскій, Мейсонтавнскій, Нью-Кэстльскій, Нью-Кенсингтонскій, Нью-

Редакторъ,

Каедральный Протоіерей А. Хотовицкій.